

ЛЕСА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В МАТЕРИАЛАХ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ*

Д. А. Хитров, А. А. Голубинский

Московский государственный университет

Д. А. Черненко

Вологодский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 3 декабря 2012 г.

Аннотация: анализируется состояние крупных лесных массивов в Центральном Черноземье во второй половине XVIII в., веком ранее входивших в состав Белгородской засечной черты. Выявляются факторы изменений, произошедших в течение XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: аграрная история, историческая география, история Черноземья, история ландшафтов.

Abstract: the article examines the state and dynamics of the forests in the forest-steppe Chernozem region in Central Russia in the XVIIIth c.

Key words: agrarian history, historical geography, history of the Chernozem region, environmental history.

В истории лесного покрова Восточно-Европейской равнины леса Центрального Черноземья занимают особое место. Как известно, вплоть до XVI в. эти обширные земли не имели постоянного населения; на этой уникальной для европейского континента незаселенной территории сохранялась и сравнительно слабо затронутая человеческим воздействием природа. Начавшееся в XVI в. активное земледельческое освоение этих территорий русскими привело к тому, что в течение последующих двух столетий недавняя окраина превратилась в густонаселенный и сильно распаханый внутренний регион Российской империи [11, с. 556–559]. Антропогенное воздействие, которое испытала в тот период природа, и его последствия заслуживают специального изучения.

Как известно, в истории освоения Россией степных и лесостепных пространств леса сыграли немалую роль. Несомненно, что «значительные леса сохранились в степном пространстве до начала усиленной его колонизации в XVI веке»; русское посольство в Крыму в 1681 г. встретило «на степях дубравы великие и леса, и тернии, и тальники, и камыши, и зверь в лесах, и рыба в водах, и кормов конских всюду множество» [2, с. 106]. В литературе давно утвердилась мысль об их большой роли в движении русского населения к югу: «Татары... проникали в недра русской оседлости степными водоразделами, которые

врезывались клиньями, языками в лесную область. В свою очередь, по течению рек заходили в степь лесные полосы. Русский человек и пошел в степь на встречу татарину, цепляясь за лесные места, воздвигая в них укрепления и стараясь подстергать татарина на его торных дорогах, пересекать ему эти дороги» [2, с. 296; 3, с. 410 и сл.; 4, с. 16–20; 5, с. 277; 6, с. 242–246]. Роль лесных массивов в освоении южных окраин России была детально показана в работах В. П. Загоровского и его последователей, посвященных истории строительства засечных черт и пограничных линий [7]. Засеки в значительной степени проходили по лесным массивам, которые были серьезным естественным препятствием для крымской конницы; кроме того, строительство и поддержание оборонительных сооружений, как они строились в XVII в., требовали огромного количества строевой древесины, а также нуждались в лесах. Леса бассейна Верхнего Дона сохраняли свое стратегическое значение и в начале XVIII в., когда именно из них черпались ресурсы для воронежского ко-раблестроения.

Однако со второй четверти XVIII в. внимание государства к сохранению лесов ослабевает; одновременно, на фоне роста населения, начинается их быстрое исчезновение. Среди причин этого указываются отсутствие эффективной политики по их охране, жжение поташа и особенно дворянское винокурение, расцветшее в этом регионе в XVIII в. [4, с. 16–21; 8, с. 74 и сл.]. При этом специально не исследовалось, какие факторы способствовали сохранению или

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект «Природная среда и земледельческое освоение территории Европейской России в Раннее Новое время», № 12-06-33035.

© Хитров Д. А., Голубинский А. А. Черненко Д. А., 2013

исчезновению существовавших до начала земельной колонизации края лесных массивов.

Наиболее ранние материалы, позволяющие систематически оценить состояние лесов – это документы Генерального межевания¹ [9; 10; 11]. Особо следует отметить, что хорошая сохранность как первичных, так и обобщающих материалов позволяет вести исследование одновременно на макро- и микроуровне: уездные и губернские таблицы дают обобщенную статистику по уездам, тома Экономических примечаний позволяют увидеть отдельные дачи, а полевые записки землемеров и спорные дела – состояние угодий и поземельные отношения внутри них.

В настоящей статье попытаемся оценить состояние лесов Центрального Черноземья в конце XVIII в. и наметить факторы, определившие его.

Начнем с обобщенных показателей по региону, извлеченных из уездных таблиц, и прежде всего с заселенности края. К концу XVIII в. плотность населения в целом по черноземным губерниям была довольно высокая, но его размещение оставалось неравномерным. На карте 1², охватывающей основные черноземные и ряд сопредельных губерний, видно, что наиболее плотно к концу XVIII в. были заселены северная и северо-западная части региона. Стоит также отметить, что на карте хорошо просматриваются очертания старых засечных черт XVII в., Белгородской и Изюмской: в уездах, которые возникли к югу от них, плотность населения все еще оставалась относительно невысокой, как правило, не выше 10 человек на квадратный километр.

Карта 1. Плотность населения Центрального Черноземья по ревизии

Посмотрим на распределение лесных угодий (карта 2). В целом количество лесов в крае невелико. На карте 2 видно, что в пределах обширного района от Богородицкого уезда на севере до Старооскольского на юге и от Кромского на западе до Козловского на востоке леса занимают не более 15 % от общей территории каждого из уездов. Заметные лесные массивы имеются только в западной части Калужской и в северной части Рязанской губерний, т.е. в тех районах, которые не относятся к собственно черно-

земным. Это говорит о том, что здесь сохранился только тот минимум леса, который был необходим для нормального ведения крестьянского хозяйства. Изучение уездных планов Генерального межевания подтверждает этот вывод: лес представлен здесь в виде небольших островов, чаще всего не превышающих нескольких десятков десятин.

Карта 2. Лесистость уездов Центрального Черноземья

Однако сказать, что Черноземье уже к концу XVIII в. утратило значительные лесные массивы, нельзя. Этому препятствует цепочка уездов, в которых лесом занято от 15 до 30 % территории. Она начнется от Белгорода и тянется через Новый Оскол, Коротояк, Воронеж и Задонск к Тамбову. Изучение уездных планов показывает, что наиболее крупные лесные массивы расположены здесь в пределах неширокой полосы вдоль Дона, Воронежа и Тихой Сосны. В чем следует искать причину сохранения этого «лесного пояса»?

Вероятно, в этих районах обширные леса существовали изначально. Не случайно правительство в первой половине XVII в., обсуждая различные варианты расположения засек, выбрало для строительства Белгородской черты именно эти места. Однако крупные лесные массивы, несомненно, имелись в XVI в. и в других районах Черноземья – по берегам Быстрой Сосны, Оскола и других крупных рек. Второе объяснение в значительной степени лежит также на поверхности – как известно, Белгородская черта опиралась на лесные массивы, в которых устраивались засеки и которые были источником строительных материалов; многие из них были в середине XVII в. объявлены заповедными, подлежащими использованию только для государственных нужд [7; 12, с. 33–35], а в период активного развития кораблестроения в Воронеже пользование лесными угодьями со стороны местных жителей и вовсе было ограничено настолько существенно, что это вызвало недовольство и многочисленные жалобы [13, с. 53 и сл.]. Но Белгородская засека перестала функционировать век назад; довольно давно отошла в прошлое и правительственная политика по охране корабельных лесов. Как случилось, что XVIII век пережили именно прилегающие к крупным рекам (казалось бы, наиболее удобные с точки зрения транспортировки древесины) лесные участки?

Для решения данного вопроса прежде всего необходимо определить владельческую принадлежность этих лесных массивов.

Традиционно считается, что в Черноземье к концу XVIII в. безраздельно господствовало дворянское землевладение. Это верно в том смысле, что ни государственное, ни экономическое, ни дворцовое землевладение не составляли заметной доли в регионе,

¹ В писцовых книгах и в большинстве других кадастровых документах XVII – начала XVIII в. именно данные о лесах весьма расплывчаты и часто недостоверны.

² Электронные карты составлены на основании атласов Российской империи 1792 и 1891–1829 гг. (см.: Атлас Российской империи, состоящий из 46 карт, изданный в граде Святого Петра, 1792 года. СПб., 1792; Географический атлас Российской империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского, расположенный по губерниям... СПб., 1821). База данных создана на основе материалов уездных и отчасти губернских таблиц Генерального межевания (РГАДА. Ф. 1356). В работе принимали участие А. Н. Красиков и С. Н. Пахунов.

однако упускается из виду один существенный момент. Генеральное межевание, как известно, не ставило своей задачей размежевание земель между совладельцами внутри одной дачи. Нередко возникали ситуации, когда оказывались неразмежеванными земли различных форм владения. В итоговых документах межевания, в частности в губернских и уездных табелях, такие случаи записывались отдельной строкой: например, «владельческих с отписными». Разумеется, для большинства регионов доля таких неразмежеванных дач совсем невелика.

Однако в Черноземье дело обстоит совсем иначе. В пределах обширной полосы от Ливен и Ельца на севере до Валуйки на юге и от Путивля на западе до Кирсанова на востоке однодворческое землевладение теснейшим образом переплетено с дворянским, и землемеры чаще всего даже не пытались размежевать их. Собственно однодворческих дач немного, но и чисто дворянские не занимают здесь, как правило, более четверти земель. Типичной же для этих мест следует считать ситуацию, когда те и другие выступают в качестве совладельцев (карта 3).

Карта 3. Доля дворянских земель по материалам Генерального межевания

Исторические корни подобной ситуации достаточно хорошо изучены в литературе: перед нами результат длительного процесса распада однодворческой общины и поглощения ее дворянским землевладением [14, с. 159–163]. Для нас же важно то, что именно в этих уездах сосредоточена подавляющая часть интересующего нас «лесного пояса» Черноземья (карта 4).

Карта 4. Владельческая принадлежность лесов

В целом леса, как и большая часть земель края, преимущественно находятся в руках дворян и чаще всего в не размежеванных с однодворцами дачах. Но есть и одно существенное отличие – в уездах «лесного пояса» значительная их доля принадлежит государству (это казенные или экономические леса) и городам. В Воронежском и Белгородском уездах их больше половины, в Валуйском, Тамбовском, Острогожском – больше трети от всех лесных угодий.

Для интерпретации полученной картины необходимо спуститься на уровень уездных томов Экономических примечаний. Мы выбрали два смежных уезда – Коротоякский и Острогожский. Оба они сложились вокруг городов, построенных «на черте»; Коротояк основан в 1648 г., а Острогожск – в 1652-м, и оба ранее имели собственные боевые участки, каждый с несколькими острогами. Важно, что значительная часть системы укреплений в этом районе приходилась на лесные отрезки [7, с. 199–210].

В Коротоякском уезде [15] крупнейшие лесные массивы принадлежат: к городу Коротояку – 3477 дес. леса [там же, л. 4]; въезжим лесам, относящимся к

городу, подгородным слободам и однодворческим селам, размером в 3329, 341 и 379 дес. [там же, л. 19–20, 85]; к Урывскому острожку, служилые люди которого в течение долгого времени боролись за обособленный от Коротояка статус [16, с. 75–81], окончательно лишенному статуса города реформой 1775 г. – 1688 дес. [15, л. 26]; к бывшему городу Ольшанску – 3080 дес. [там же, л. 120]. Стоит отметить, что среди дровяного леса сохраняются даже отдельные реликтовые дубравы – в городской даче это строевой лес «дубовой, в отрубе от осми и до девяти вершков, длиною от трех и до четырех сажен». Вероятно, многие из этих дубов были старше самого города.

Все названные дачи находятся в неразмежеванном владении однодворцев и дворян. Исключение составляет уездный центр, так как присутствие дворянского землевладения внутри городской дачи не допускалось, но зато от него сделаны два больших спорных отвода, в 509 и 1361 дес. леса [там же, л. 5–6]. Кроме того, заметные лесные массивы имеются у экономических крестьян (особенно бывших вотчин Борщева монастыря [там же, л. 42], который был важным укрепленным пунктом на черте и даже имел собственный боевой участок) и у больших однодворческих сел, которые в прошлом тоже были укрепленными пунктами, таких как Старая Форстань, Ураково или Уколово. Напротив, все другие поселения уезда обеспечены лесом плохо: даже в крупнейших дачах лесные угодья исчисляются десятками или немногими сотнями десятин.

Острогожский уезд выходит к линии бывшей Белгородской черты только своей северо-западной частью, в которой расположен уездный центр. Самый крупный лесной массив в 9511 дес., отчасти сохранившийся до наших дней, расположен к северо-востоку от города и тоже описан как расположенная в уезде городская дача. Здесь, правда, строевого леса не было, зато огромный лесной остров давал приют многочисленным животным: «лес растет дровяной дубовой, кленовой, вязовой, ильмовой, осиновой и ясеновой, ореховой, яблоневой, грушевой, которой для поташа не способен. В нем звери медведи, волки, лисицы, зайцы, белки, горностаи, птицы соловьи, зяблицы, щеглы, чижи, ястреба, скворцы, дрозды, синицы, снегири, кокушки...» [17].

Представить себе земельные отношения внутри этих больших земельных комплексов иногда дают возможность спорные дела Генерального межевания. Большинство крупных дач связано хотя бы с одним-двумя такими разбирательствами, но несомненное первенство принадлежит упомянутой городской даче Острогожска, по которой их более пятисот [18]. Изучение уездного генерального плана [19] показывает, что по периметру лесного массива ко времени межевания уже существовали десятки частных поселений,

и межевание, конечно, не могло не обнажить все накопившиеся в связи с этим противоречия. Вот яркий пример.

Из общей дачи при межевании на основании «полюбовного развода» был выделен «хутор», принадлежавший прапорщику Андрею Куколевскому. В изложении владельца история выглядела так: «предки его служили в Острогожском казачьем полку и по тогдашнему черкасскому обыкновению присовокупили заимками землю, чем завладели издавна, не в обществе с тамошними обывателями, а особливо, без всякаго спору, на которых землях за ним Кукалевским и в поселении состоит черкас двести семдесят душ» [18, ед. хр. 1066, л. 1]. Однако вскоре в межевую канцелярию поступила жалоба от «острогожских войсковых жителей». Выяснилось, что полюбовность отвода была весьма условной: землемер Ратков «учиня... с ним (Куколевским. – *Авторы*)... собою в угодность оного межу», добился утверждения ее городским поверенным далекими от предписанных инструкцией методами: «бил... по щекам и збил с ног, таская за волоса по земле немилостиво и устрашивал» [там же, л. 67–67об.]. Обиженные острогожцы не остались в долгу и «испровергли» поставленные Ратковым межевые знаки.

Слободская межевая канцелярия решила дело в пользу горожан: приказала «зделанные с ним полюбовные разводы уничтожить и межи истребить», мотивируя решение тем, что «повелено выслужившимся в офицеры из однодворцов земель особо не отмежевывать» [там же, л. 1]. Резкий протест недавнего дворянина («дед ево был полковник, и отец полковой обозной, следовательно с выслужившимися из однодворцов и сравнивать ево невозможно» [там же, л. 1об.]) привел к вмешательству вышестоящей инстанции, переносу дела в Межевую экспедицию и тяжбе, тянувшейся полтора десятилетия. Интересно, однако, что городу, насколько можно судить по последним документам дела, все-таки удалось отстоять свои интересы.

Любопытнейший материал дают «межуездные» спорные дела. Таково спорное дело однодворцев села Тернового Коротоякского уезда с войсковыми обывателями слободы Колбиной Острогожского уезда [там же, ед. хр. 1311]. Как уже говорилось, Коротояк на четыре года старше Острогожска, и спор имеет старую историю; на протяжении XVII – начала XVIII в. она исследована А. А. Гоголевой [20, с. 62–66]. Терновцы предъявили впечатляющую коллекцию подлинных выписей на землю начиная с 7161 г., доказывающую преимущество выходцев из Коротояка в освоении этой территории. Черкасы в ответ ссылаются на то, что в 7187 г. Разряд предписал «теми земли и всякими угоды владеть им, острогожским черкасом..., а котороячаном теми земли и всякими

угоды насильством владеть и меж и граней портить не велено, да и потому что Острогожской построен после коротояцких строенных и писцовых книг на их коротояцких и ольшанских дачах и на татарских сакмах и на перелазах в пристойных местах в защиту и оборону тем городам» [18, ед. хр. 1311, л. 20 об.]. Сложность для землемеров здесь состояла в том, что лес на границе уездов не мог быть оставлен неразмежеванным, а полюбовного развода решительно не получалось [там же, л. 36]. Для нас же важно то, что терновцы, проигрывая дело, проговариваются об очень важной подробности: оказывается, старая межа в XVII в. отделяла их владения вовсе не от владений черкас, а от «заповедного леса» [там же, л. 38 об.], в котором к тому же была устроена засека – речь идет о «старинном вале», составлявшем вторую линию укреплений на Острогожском участке черты [7, с. 202]. За прошедший век лес перестал быть заповедным, однодворцы и черкасы успешно осваивали его с севера и с юга, но не смогли договориться о том, где именно сошлись их «топор, коса и соха».

Таким образом, к концу XVIII в. леса в Центральном Черноземье сильно сократились, однако это сокращение не везде было равномерным. Вдоль линии бывшей Белгородской засечной черты уцелела цепочка обширных лесных массивов. Этот «лесной пояс» сохранился вплоть до конца XVIII в. во многом благодаря длительному сопротивлению однодворческих и черкасских общин Белгородской засеки наступлению дворянского землевладения. Обширные леса, составлявшие в XVII в. важную часть оборонительной системы государства, при ее ликвидации не перешли в частные руки, а оказались приписанными к многочисленным городам, городкам и острожкам «на черте». Процесс распада этих обширных владений, возникновения в их пределах однодворческих хуторов и дворянских деревень, конечно, шел, но многочисленные и организованные общины мелких служилых людей, опираясь на сильную традицию корпоративного землепользования и городской статус своих поселений, вплоть до конца XVIII в. довольно успешно защищали свой традиционный земельный уклад, а это, в свою очередь, существенно ограничивало вырубку лесов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – 2-изд. – М., 2006.
2. Любавский М. К. Обзор истории русский колонизации с древнейших времен и до XX века / М. К. Любавский. – М., 1996.
3. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии / М. Н. Тихомиров. – М., 1962.
4. Цветков М. А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. / М. А. Цветков. – М., 1957.

5. Быков Д. А. Лесной перелог как альтернатива владельческому патронированию / Д. А. Быков // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 17–19 ноября 2011 г.). – М., 2011.

6. Канищев В. В. Соотношение «дикой» и измененной человеком природы в Тамбовской губернии конца XVIII века / В. В. Канищев // Там же.

7. Загоровский В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1969.

8. Волков М. Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII – первая половина XVIII в. / М. Я. Волков. – М., 1979.

9. Милов Л. В. Исследование об Экономических примечаниях к Генеральному межеванию / Л. В. Милов. – М., 1965.

10. Голубинский А. А. Итоговые материалы Генерального межевания : о возможностях обобщения и анализа / А. А. Голубинский, Д. А. Хитров, Д. А. Черненко // Вестник МГУ. Серия История. – 2011. – № 3.

11. Степанова Л. Г. Картографический метод и модельный подход при работе с писцовыми книгами XV–XVI вв. и материалами Генерального межевания XVIII в. / Л. Г. Степанова // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. : источники и методы исследования : материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Рязань, 2012.

12. Мизис Ю. А. Природные факторы формирования поселенческой сети в междуречье Воронежа и Цны в XVII – начале XVIII в. / Ю. А. Мизис // Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. : тез. докл. и сообщений XXXIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – М., 2012.

13. Перегудов А. В. Государев разрядный шатер – орган управления воронежским кораблестроением (1697–1700 гг.). / А. В. Перегудов. – Воронеж, 2010.

14. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке : по материалам южных уездов России / В. М. Важинский. – Воронеж, 1974.

15. РГАДА. – Ф. 1355. – Оп. 1. – Ед. хр. 288. Экономическое камеральное описание Коротоякского уезда.

16. Камараули Е. В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII в. / Е. В. Камараули. – Воронеж, 2009.

17. РГАДА. – Ф. 1355. – Оп. 1. – Ед. хр. 315. Экономическое камеральное примечание Острогжского уезда. – Л. 8.

18. РГАДА. – Ф. 1305. – Оп. 2. – Ед. хр. 1066, 1067, 2270–2740.

19. РГАДА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Ед. хр. 816–819.

20. Гоголева А. А. Местная власть в Острогжском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в. : городские воеводы и черкасские полковники / А. А. Гоголева. – Воронеж, 2008.

Московский государственный университет

Хитров Д. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX в.

E-mail: dkh@bk.ru

Голубинский А. А., кандидат исторических наук, специалист 1-й категории РГАДА

E-mail: lexis.gol@gmail.com

Вологодский государственный педагогический университет

Черненко Д. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории

E-mail: dmitcher@mail.ru

Moscow State University

Hitrov D. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History before the beginning of the 19th Century

E-mail: dkh@bk.ru

Golubinsky A. A., Candidate of Historical Sciences, Specialist of 1st Category of the (РГАДА)

E-mail: lexis.gol@gmail.com

Vologda State Pedagogical University

Chernenko D. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department

E-mail: dmitcher@mail.ru